

чрезвычайно отдаленными, но свежими ассоциациями, исключительная обостренность ощущений, патетическая напряженность, спадающая только к концу рассказа,—все это указывает на прямое родство Бабеля с немецкими экспрессионистами. Я намеренно говорю о родстве, а не о влияниях, потому что в основном автор совершенно самостоятелен и своеобразен. В каждой вещи видны следы напряженной, почти мучительной работы над стилем. В сознании читателя заполнена каждая пауза, надолго запоминаются эпитеты (напр., «вороватые огоньки»—можно ли лучше сказать о ночных огоньках?), двумя-тремя описательными штрихами он заставляет нас остро почувствовать военную тревогу перед неизвестностью ночного боя: «начдив уже готовился уезжать. Ординарцы стояли перед ним на вытяжку и спали стоя. Спешенные эскадроны ползли по мокрым буграм.

«Прижалась наша гайка»,—прошептал начдив и уехал. Мы последовали за ним по дороге в Ситанец.

Снова пошел дождь. Мертвые мыши поплыли по дорогам. Осень окружила засадой наши сердца и деревья, голые мертвецы, поставленные на обе ноги, закачались на перекрестках».

Если говорить о недостатках книги, то прежде всего придется отметить, что автор не совсем вплотную подошел к героическому быту Кон-армии, взял тему не во всей ее широте. Вероятно, очки («очкастым интеллигентом»—иронически называет себя писатель) помешали ему это сделать.

Хочется, чтобы автор наметил некоторые пределы «пафосу плоти», остроте сексуальных ощущений.

Бабель обещает надолго остаться в литературе, тем естественнее требовать, чтобы он перешел от разработки эскизов к широкому полотну.

Н. Б.—ский.

П. Яровой. Повесть о человеке. Москва. Гиз. 1924 г. Стр. 147. Цена 60 коп.

Издавая эту книгу, П. Яровой имел очень хорошее намерение. И книге сопутствует такой эпиграф:

«Что я скажу о великом Ильиче, который вместил в себя миллионы

волю. Я склоняю перед ним писательское знамя и расскажу простую повесть о таком же «маленьком человеке», как я сам. Это повесть о сиволаном мужике, о том, кого считали получеловеком, кого только Ильич сумел разгадать и двинуть его волю на путь строительства мира».

Так вот, в селе Крутогорове жил такой, звали его Марк Петрович, а по прозвищу «Получеловек». Это прозвище дал ему, конечно, автор книги. Отец «Получеловека» служил некогда у помещика, вздыхал о господе, спрашивая, где правда. Искание правды перешло по наследству, как заявил автор, и к его сыну, Марку Петровичу. Тот почему-то обратился за поисками правды к учительнице, потом к попу. Правды, надо сказать, ни у той, ни у другого не добился. Тем временем шла война с немцами. Марк, неведомо зачем, бросил жену, ребят, и утек из дома. За время его отлучки жена его Марфа сошлась с пленным австрийцем. Марк вернулся домой, принимал участие в февральской революции, в гражданской войне, покуда не укрепились соввласть.

С темой перерождения «получеловека» в человека, хотя бы и маленького, П. Яровому (пусть он тоже маленький, как он заявил) справиться не удалось.

Неубедительны и разговоры фигурирующих в повести людей. Жена Марка, выросшая в деревне, разговаривает всерьез в трагический момент так:

«Теперь уж не посадят тебя, мой лохматенький мужичок».

А вот П. Яровой посадил себя, издав плохую книгу».

В книжку вошли еще две вещи: «В горном блеске» и «Старики», написанные не лучше «Повести о человеке».

В. Л.

Петр Орешин. «Соломенная плаха» Стихи. Том 2-й. Гиз. 1925 г. Библ. соврем. русской литературы. Страниц 215.

«Соломенная плаха», соломенная Россия, но не потому, что она—Скифия, вековая Азия, как неизменно получалось у символистов. Нет. Соломенная только потому, что

мы, русские, бедны, что в наших дореволюционных условиях мы могли много думать, но мало работать. Поэтому труд, как единственный выход, который оденет «голоштанного» мужика и заменит паутину дряхлого кивота «врезанным в рамку Ильичем» — вот центральная тема стихов Орешина. Поэт, с детства сроднившийся с теми, «кто пьет и плачет по полям», правильно понял и повел свою поэзию по пути социальных мотивов.

Орешин — подлинный крестьянский поэт: каждую строчку своих стихов он насытил деревенским пейзажем, мужицким бытом или диалогом (хотя бы такие образы: «зари сквозная бровь», «ветер синим рукавом шумурыгнул невзначай по глазу», «звонит к вечерням и обедам сухой в подряснике бобыль»). Его деревня — живая, советская; мужик не уперся в «родительскую избу»: пусть иногда по смешному, но он приспосабливается к новым порядкам. Волостной председатель («Председатель») не чурается комсомола, города. Даже больше — он сознает, что и на заводе работает такой же мужик, «кузнец и земледелец», что они оба — из одной семьи («Смычка»). — Такой же мужик у Орешина и в городских ремесленниках («Песня веселого стекольщика», «Портновская», «Песня ломового извозчика»). Если же деревенскому герою покажется, что он «ненавидит железные небоскребы города», то автор перенесет эту ненависть на тех, кто заставил его «не знать жизнь отдыха от тачки» («Жизнь»).

Стихи Орешина написаны мастером: разнообразная строфика (от двухстишия до семистишия), различные метры, оригинальные крестьянские образы. Автор знает и использует напевы русской песни (стих. «Волга»; правда, этот мотив был уже в песнях Кольцова), частушки (стих. «В Москве», «Начели»). Главное достоинство всех вообще его стихов — сюжетность: они говорят о конкретных, ярко осязаемых людях и вещах. Из недостатков можно указать на изредка встречающуюся растянутость (главным образом, в стихах 1918—1919 г.г.).

Лучшие стихотворения составляют отделы: «Самовольные цветы», «Со-

ломанная плаха» и «Волчья жизнь». Из поэм сборника по формальным достижениям наиболее значительны «Уездное» (очень удачный портрет провинциального зава) и «Великий чудак». Слабее других — «Метель»: очевидно, потому, что автор поставил несвойственную его таланту задачу — изобразить психологию русской интеллигенции после Октябрьской революции. В результате — не поэзия, а публицистика.

В итоге — общественность тем и культурность стиха делают «Соломенную плаху» Орешина ценным вкладом в библиотеку современной русской литературы, а тщательность издания еще более увеличивает ее удельный вес на нашем книжном рынке.

В. Красильников.

Георгий Якубовский. Песни крови.
Госиздат. Москва 1925 год. Стр. 100.

Не случайно строфика и образы Якубовского частью напоминают строфу и образы Верхарна. Русскому пролетарскому поэту, конечно, было очень трудно преодолеть влияние бельгийского певца индустриального города. Особенно трудно было это сделать потому, что его темы оказались родственными, созвучными Верхарновским темам. Так же, как Верхарн, Якубовский пишет о «миллионах человеческих неведомых рук, с грохотом катящих камни труда», о «Восстании погибших», и всегда его стихи — труд городского поэта. Но автор «Песен крови» сумел насытить свои социальные темы конкретностями новой послевоенной мировой обстановки, — и насытить не только рабочей кровью, но и рабочей победой (стих. «Родильный крик»). Эта социальная насыщенность делает книгу стихов Якубовского актуальной книгой нашей поэзии, достойной особенного читательского внимания.

Наиболее значимыми вещами в «Песнях крови» надо признать те стихи, в которых поэт обусловил классовую социальную настроенность своих тем яркими картинами труда и города.

Таковы: поэма «Кровь рабочая» (очень сильные части — «Кровь стру-